
СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Павел ГУРЕВИЧ

доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: gurevich@rambler.ru

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРОТОПЛАЗМЫ (о философских работах В.А. Кутырёва)

Материал представляет собой размышление над книгами известного отечественного философа В.А. Кутырёва, в том числе над последней изданной работой – «Последнее целование. Человек как традиция» (СПб., 2015). Нижегородский профессор – автор ряда трудов, посвящённых критическому разбору современного инновационизма. Он пытается привлечь внимание к мировоззренческим аспектам информационного прогресса. Эти исследования направлены против движения человечества к вырождению, отказу от жизни и культуры в пользу техники и виртуализма. В рецензии даётся критический разбор философской традиции, которая завершилась в наши дни забвением бытия, руинизацией жизни и гуманизма.

Автор использует методологические принципы философской антропологии, которые позволяют обосновать понятие «человеческой природы», бытийственных аспектов жизни. Он рассматривает традицию как проявление универсалий бытия.

Материал направлен против господствующего в современном общественном сознании безоглядного прогрессизма, инновационизма. Ставится вопрос о более скрупулёзной и глубокой философской рефлексии, которая позволила бы оценить возможные риски при осуществляющейся трансгрессии общества. Дана высокая оценка традициям, которые в известном смысле можно называть универсалиями. Отвергаются попытки современных исследователей отказать от понятия «человеческой природы», от размывания идентичности.

Ключевые слова: человек, традиция, прогресс, человеческая природа, эволюция, жизнь, смерть, разум, личность, философия

Who is mister Kutirev?

Если бы не было такого замечательного философа, как Владимир Александрович Кутырёв, то его следовало бы придумать. Может быть, обозначить другой фамилией, другим ником, другим чудиком. Но без него, как любит повторять этот автор в сходных ситуациях, ну просто никак. Вы и сами подумайте: события мчатся, как пушечное ядро, несущее известного барона. Стремительно исчезают за горизонтом свои и чужие Азорские острова. История маячит пастью гроба. Человека ведут на заклание. Все хотят выпрыгнуть из времени, из сознания, из жизни, из текста, из собственной самотождественности.

И что же вокруг? Небывалый карнавальный психофизиологический настрой. Все приплясывают. Всем хочется скорее в грядущее. Какую книжку ни раскроешь, начинаешь испытывать штормовую качку. Авторы книги «Бунтующий разум. Марксистская философия и современная наука» А. Вудс и Т. Грант цитируют американского исследователя Оливера Мортонна: «Природный мир, в том числе тело человека и его ум, станет податливым. Пересаженные органы могут перестроить мозг, а созданные искусственным путём вирусы – восстановить старую нервную ткань. Учёные уже работают над человеческими органами, которые выращиваются в организмах животных для пересадки людям. Могут появиться новые типы живых существ, которые вызовут у нас восхищение. Если человеку не удастся найти равных себе среди звёзд, он может приложить все усилия для создания нового интеллекта на Земле. Генетическая разница между человеком и шимпанзе столь мала, что не исключено появление новых разумных биологических видов» [цит. по: 2, с. 433–434].

А теперь уже из академического издания: «Как показывают наши исследования, решающий фактор, от которого может зависеть сохранение или обвал земной цивилизации в XXI веке, – способность (или неспособность) разума перерасти инерцию макрогрупповых идентификаций. Разум, мыслящий себя в привязке к конфессиональной, национальной, классовой и т.д. принадлежности, лишён перспективы превратиться в планетарный и тем более космический» [3, с. 23].

Читаем ещё одного философа: «Вырвавшись из цепких объятий эволюции, человечество соорудит себе новый – космический Ноев ковчег и уйдёт полностью в автономное историческое существование. Возможно, этим ковчегом станет искусственно созданная планета – всё дело в колоссальных, поистине космических объёмах энергии, которую откуда-то придётся брать. Надежда здесь только на одно – на революцион-

ный технологический прорыв, который позволит превращать в энергию любое вещество. Конечно, это только предположение – пока что с определённой степенью сказать здесь ничего нельзя» [4, с. 233].

Что же это происходит, по вашему мнению? Где-то уже куётся космический разум, а мы, недоумки, никак не можем оторваться от собственной веры или национальности. Геном человека уже примеривается к геному шимпанзе на предмет выведения нового разума, а мы всё ещё не хотим вырваться из цепких объятий эволюции. Люди уже отправляются в автономное историческое плавание, а вам без разницы. Уже стало очевидным, что во вселенной разворачивается неслыханная конкуренция насчёт того, чтобы прорваться на планетарный или даже космический простор, а мы по-прежнему бегаем в супермаркет за углом. Вероятно, сразу после Лермонтова изжили себя строчки: «В небесах торжественно и чудно». Теперь звезда с звездой говорит на языке военщины и ультиматумов.

И вот против этой «исторической продвинутости» выступает по сути дела всего один отечественный философ. Он излагает свой протест почти взахлёб (припомнились ему тютчевские «демоны глухие», и он воспроизводит эти слова трижды через страницу)¹, страстно, непримиримо, повторяясь из книги в книгу и в то же время продвигаясь дальше, приводя новые доказательства, расширяя горизонт размышления. Ему толкуют про то, что маячит бессмертие, а он уверяет, что из этой жизни живым ещё никто не выскочил. Ему рассказывают про изнашивание плоти, готовой перекинуться на кремниевый носитель, а он отвечает про скольжение к антропологической границе. Объясняют, каким замечательным парнем будет этот постбиологический хьюман, а Владимир Александрович восклицает: «Вурдалаки идут!». Ему рисуют невероятные картины будущего, а он отвечает про «мозги в формалине». Соблазняют сверхразумом, а он отвечает: «Безумным оказывается тот, кто рассуждает».

«Who is mister Kutirev?» Кто он такой, чтобы ложиться поперёк рельсов? Обозначилось уже несколько версий. Одна из них – обнаглевший, распоясавшийся провинциал. Так он сам пишет о себе в рецензируемой книге [11]. Но, во-первых, с приходом информационных технологий, труднее стало различать, где захолустье, где столица. А Владимир Александрович – профессор Нижегородского государственного университета. Во-вторых, никаким провинциалом он себя не ощущает. В книге помещено интервью с ним. Отвечая на вопросы А.С. Нилогова, Владимир Александрович обретает такую маститость, с таким остроумием рассказывает про свои вставные зубы и кисть правой руки с титановой штукой, что начинаешь сомневаться, точно ли он из Нижнего Новгоро-

¹ Заметим для точности, что у Тютчева они не глухие, а глухонемые: «Одни зарницы огневые, воспламеняясь чередой, как демоны (глухо) немые ведут беседу меж собой».

да. А он сообщает: «Теперь вот пошли разговоры о “смерти постмодернизма”, а почему, что взамен – молчание или просто умствующая болтовня» [11, с. 279]. Или вот ещё: «Я – как автор данной книги, да и как любой честно мыслящий человек – невольник, понуждаемый объективными обстоятельствами следовать за Ницше, полагаю, что теперь *место decadence* (упадка воли к жизни) утверждаются ценности *Mortido* (отказа от жизни и воли к смерти)» [11, с. 15]. Эти пассажи убеждают: нет, точно – не провинциал....

Тогда ещё одно тавро: «Кутырёв – отчаянный алармист». Нет, правда, все вокруг уже переформатизировали своё сознание. Носятся с научными открытиями, как с божьей весточкой. Преодолевают пространство и простор. Радуются, как дети. Чувствуют себя как первопроходцы на новом космическом поприще. Вот, к примеру: «Мы – биологическая протоплазма технической цивилизации, мы носители прото-интеллекта, мы прото-машины, именуемые “организмами”. Мы – робкие дебютанты на сцене технотрансформационной цивилизации» [26, с. 184]. Итак, мы протоплазма. Умри, лучше не скажешь...

Но тут появляется Кутырёв и начинает пугать человечество. Прогресс к смерти. Смерть в результате прогресса. Мощная деградация в новое. Люди стали персонажами. Самоотрицание этносов. Антропологический апокалипсис. Рацио превращается в когницию. Процесс потери памяти у человека идёт полным ходом. Конструирование одномерного человека. Клиническая смерть философской антропологии. Одним словом, мы исчезнем как бивнеклювый дятел, как гигантский тиранозавр. Ну и зачем всё это в наше беспокойное время? Дайте нам что-нибудь оптимистическое вроде стихов плохих, но уже о хорошем...

Давайте почитаем о хорошем... Разговор зашёл о бессмертии. Доктор психологических наук в авторитетном издании пишет: «Если наконец это удастся, небывалая гордость и убеждённость человечества в собственной избранности будут наконец утолены! Победа над смертью – это же не только долгие годы жизни, которые можно посвятить познанию, искусствам, путешествиям, да просто пожить в своё удовольствие, это же будет совершенно другая психология, философия, абсолютно другое мировоззрение – и как следствие – другая мораль и другая этика. Каковы могут оказаться эти изменения?» [3, с. 81].

Усекли? Будет другая философия и психология. Человек сможет убедиться в своей избранности, чтобы пожить в своё удовольствие... Удачно сказано: с профсоюзной путёвкой и в бессмертие! Скверно, конечно, что наша страна не занялась как следует прогнозированием будущего. Мы чудовищно отстали. Надо догонять. Но если наш вклад в науку будущего сводится к таким откровениям, то без всякого упрямства лучше рекрутироваться в алармисты. Лучезарная философия так затмила мозги, что невольно закрадывается мысль об одичании. Вот про это и пишет В.А. Кутырёв: «Зачем подводной лодке ощущения кита, а самолету

садиться на деревья и приманивать самку, подражая пению птиц?» [11, с. 237]. Абсурдность выглядит из каждого окошечка. И неудивительно. Поток лучистых прогнозов ширится, а трезвого разбора ситуации по существу и нет. Не хочется быть маловером во времена всеобщего энтузиазма. Обидно умереть накануне бессмертия. Досадно, если мы с Кутырёвым по совокупности наших научных заслуг окажемся в технологическом раю, в который по вредности характера не верили.

Колоссальные изменения, происходящие в мире, требуют предельной мобилизации философской рефлексии, а не телесных восторгов. В августе этого года в китайском городе Тянь-Цзине произошла техногенная катастрофа. Образовался кратер в несколько городских кварталов. Пострадало, между прочим, здание Национального вычислительного центра, где размещён уникальный суперкомпьютер «Тяньхэ-1», в 2010 г. возглавивший рейтинг самых мощных ЭВМ мира. Оказывается (да кто в этом сомневался?), что переход к постиндустриальному обществу сопряжён не только с освоением высоких технологий, поисками и внедрением альтернативных источников энергий или экологическими новациями. Он требует высочайшего качества человеческого капитала. «И речь идёт не только об интеллектуальном богатстве, знаниях, образованности, владении новейшими научными и техническими методиками. Не менее важен и уровень сознательности человека, его ценностные приоритеты и ориентиры, его мотивации» [17, с. 9]. Без этого невозможно никакое социально-экономическое развитие.

Откуда же взялась неистребимая вера в то, что информационные технологии в процессе своего развития смогут избавить человечество от его пороков. Читаем у Д.И. Дубровского: «Безусловно, сознание нечеловечества будет обладать такими качественно новыми *экзистенциальными смыслами*, которые нам сегодня с позиции нашего *биологически обусловленного сознания* трудно, практически невозможно себе представить» [3, с. 193]. Но разве современное сознание человека обусловлено только биологией? А огромный исторический опыт людей? Неужели, выбив из фундамента нашего сознания биологическую основу, мы обретём новые экзистенциальные смыслы? Правда ли, что с переносом нашего сознания на другой носитель люди избавятся от неуёмного потребительства, агрессивных, эгоистических интенций массового человека?

Справедливости ради, надо отметить, что В.А. Кутырёв не одинок. Про гуманологию и персонологию в критическом плане пишут, скажем, В.И. Самохвалова, Э.М. Спирина. Позволю и себя причислить к заединщикам Владимира Александровича. Но, разумеется, никто из нас не выполнил и сотой доли той работы, которую он проделал. Вот его книги последних лет: «Человеческое и иное, борьба миров» (2006), «Бытие и Ничто» (2010), «Время Mortido» (2012). Он множит аргументы и доказательства. Он вводит читателей в историко-философскую традицию, чтобы понять современное помрачение рассудка.

А между тем перекошенное мышление проникает и в обыденное сознание. Вот в центральной газете энтузиасты рассказывают о своей ферме бычков. Как они животных холят! Кормят отборным зерном, подвешивают на ремнях, чтобы масса наращивалась равномерно. Даже музыку включают. Очень любят бычков. Вот только что построили для них новую бойню... Так вот об этом взбесившемся вздоре и написаны книги Владимира Кутырёва. Он и пытается снять у современников шоры с глаз, обратить внимание на массовое вырождение ума. Чем же должна быть философия, если не форпостом здравого смысла, отчаянно-скорбного отношения к реальности? Забег в светоносное будущее так разителен, столь упрям, что слово «алармист» перестаёт быть отрицательным. Обратите внимание на соотношение сил. Фланг ревнителей скептической мысли оголён. В.А. Кутырёв чуть ли не один распределился на всех флангах. Когда же вдруг оказывается, что единомышленники есть, Владимир Александрович отчаянно восклицает: «Наконец-то». Это, в частности, и про меня. И обо мне тоже сказано: «Последователей у него не видно». Мы с В.А. Кутырёвым страшно одиноки и далеки от народа.

Певец архаики?

Ещё Владимира Александровича упрекают в том, что он – певец архаики. Он прямо-таки упивается традицией. Он против прогресса, который остановить нельзя. Ему не нравится бездумный инновационизм. Он сетует на то, что раньше спорили о высоких целях, а в глобальном мире – о высоких технологиях. Ему предлагают стать голограммой, а он называет это формой самоубийства. Ему толкуют про искусственный интеллект, а он обозначает это как торжество зомби, роботов, наноботов... Ему про улады глобализации, а он про раздробление национальных государств и этносов. Ему про новейшие формы клонирования, а он про любовь, которой пропитана прежняя европейская культура.

Да, с таким философом точно уж и нечего мечтать о космическом Эдеме. Он настаивает на том, что в основе всякого рассуждения о человеке лежит механизм идентичности. Самотождественность невозможно соткать из одних новаций, о чём писал в свое время П. Рикёр. Традиция как раз и хранит то, что мы называем «человеческое». Однако если пренебречь прошлым, изначальным, то нет и предмета для разговора о грядущем. Нельзя в два прыжка перепрыгнуть через пропасть. Прав В.А. Кутырёв: традиция – фундамент всякой самотождественности. Между тем в планетарное благоденствие предполагается отправить вымороченное, оскопленное и бесплотное создание. Но это уже, как говорится, другая история. Человек – ревнитель своей идентичности,

живой плоти, одухотворённой культуры – тут ни при чём. Человек не может, как змея, сбросить с себя кожу. А кожа эта – мудрость веков, невероятный опыт выживания, мощный сакральный стержень.

Что говорилось прежде о человеке? Его, как отмечает В.А. Кутырёв, обычно отождествляли с подлинным, аутентичным, «настоящим»: «Он – автор величайших достижений в познании и покорении природы, накопил огромные сокровища духа, творец мировых религий, философии, художественной литературы, музыки, живописи и других видов искусства. Его жизнь – пример жертвенности и эгоизма, высокой доблести и низкого коварства. ...Культура, личность, духовность – разные ипостаси человека как ценностно-рационального субъекта социального действия» [11, с. 91].

И уж пора ещё раз вместе с Ф. Тютчевым задаться вопросом: «И что ж теперь? И где всё это?». За несколько десятилетий всё перечёркнуто, опалено. «Традиционным историческим человеком потеря культуры и души воспринимается как собственная смерть. Это действительно смерть, но конкретно-исторического человека, по-видимому, высшей его формы, за сохранение которой надо всеми силами бороться, однако трезво глядя в лицо реальности» [11, с. 95].

Конечно, к традиции можно относиться по-разному. Вот известный отечественный философ П.К. Гречко критически, в духе постмодерна пишет об этнической примордиальности. По его мнению, «это помочи, которые консервируют состояние бытийной несамостоятельности человека. Консервируют – значит удерживают (от самостоятельных шагов, от роста как личности) и поддерживают (чтобы не упал, всё-таки выжил, сохранился). “Социальный клей” этничности слишком вязущий или стягивающий, в нём нет места для свободы и индивидуального выбора» [4, с. 189]. И далее: «Профессионализм несёт в себе универсальность, постоянно расширяющийся кругозор, этничность, напротив, замкнута на партикулярность, традиционную замкнутость и узость» [4, с. 189].

Может быть, действительно надо как можно скорее сбросить с ковраля современности вязкую этничность, традиции, замкнутость и узость. Но есть и другие взгляды. Так, многие французские философы, среди них в первую очередь Ж. Батай, полагают, что критика архаического общества как страдающего узостью и патриархальностью неправомерна. Главным достижением традиционного общества Батай считает сакральность. Французский мыслитель отметил, что реальный мир лишь на поверхности подчиняется сокровенному порядку. Под сокровенностью подразумевается заветность, тайность.

По мнению Батая, первоначально, когда люди изготовили орудие труда, они воспринимали его как идущее из другого мира, не укоренённое в самой реальности. Однако возросшая роль операторных форм и развитие ремесленных приёмов освободили сознание людей от этой таинственности. Батай выступает за возрождение сакральности. В этом

он видит спасение человечества... Над поиском сакрального знания, которое могло бы изменить облик социологии или политэкономии, он работал много лет. Обосновывая роль традиции в истории человечества, Батай писал, что человеческое жертвоприношение, строительство церкви или дарение драгоценностей представляет не меньший интерес, чем, скажем, продажа зерна. С этой точки зрения принцип современной экономики, в которой «трата» («истребление») богатств важнее, чем производство, требует радикального пересмотра именно через феноменологию традиции [1, с. 106].

Когда учёные XVIII в. изобрели громоотвод, им показалось, что они оседлали молнию. Не переживаем ли мы сегодня такой же неоправданный энтузиазм? Мы полагаем, что сами можем стреножить бессмертие. Представление о божественной избранности человека мы заменяем технологической отмеченностью человека. Человеческую природу объявляем фантомом. Уверяем друг друга, что сотворим такие источники энергии, что станем размещать во Вселенной собственные планеты.

В книгах В.А. Кутырёва нет бездумной очарованности традицией. «Философия традиции, – пишет он, – которая необходима сейчас для обоснования “права” человека на существование в прогрессистско-технологическом мире, не означает, что она предполагает существование чего бы то ни было вне времени вообще. Не впускает в себя ничего нового и никогда не меняется. Нет, она допускает изменения, но те, что её укрепляют, и противятся тем, которые её подрывают. Философия традиции – историческая форма идентичности, выдерживающая напряжение существования и перемен. И до тех пор, пока она это напряжение удерживает, она существует» [11, с. 112].

Откуда возникло убеждение, будто можно катапультировать себя в другое измерение, отринув прошлое, опорное, традиционное. Не всякую связь можно считать традицией, полагает В.А. Кутырёв. «Философская суть традиции, – пишет он, – это не изменение само по себе, но и не сохранение как таковое, это *не* сохранение *или* изменение, а нечто *постоянное внутри перемен, константное в развитии, абсолютное в относительном, вечное во временном*. Традиции включены в поток времени, но по своей бытийной сущности есть то, что не развивается. Они *развёртываются и трансформируются* в соответствии с переменной обстоятельств. Традиция – это не прошлое, она выражает не то, что “позади нас”, а то, что непрерывно существует в мире среди нас самих» [11, с. 105].

В.А. Кутырёв – менестрель традиции, но не певец архаики. В традициях, по его убеждению, выражается историческая определённость. Она является культурной формой выражения вечности бытия любого предмета или явления как сущего. Абсолютная вечность, настаивает В.А. Кутырёв, – не какая-то отдельная внебытийная трансцендентальная вечность. Она присутствует везде, в любом предмете. Наконец, любое явление имеет меру сохранения собственных свойств – меру идентичности.

Уж не консерватор ли?

Любовь к человеку не имеет права быть абстрактной. Тот мир, куда устремилось человечество, будет ли для него обжитым, радостным? Парадоксально, но нас соблазняют не тем, что будет, а тем, чего не будет. Не будет, например, кровнородственных отношений. Правда ведь, как здорово? Разом отомрут все анекдоты про тещу. Так и родителей не будет. Их пока только пронумеровали. Но, похоже, отец не будет иметь никакого отношения к своему ребёнку. И клон тоже не будет отягощён голосом крови. Будет всё, как у морской черепахи. Вот она отложила яйца в горячий песок и скрылась в морских пучинах. Проклюнувшиеся черепашонки сами ползут куда надо. И плавают, может быть, рядом с родительницей. Только им это абсолютно неинтересно. Как и чадонелюбивой мамаше. Такая вот свобода нас примет вскорости у входа.

Когда возобладает квантовое мышление, каждый человек сможет, наконец, сбросить с себя ярмо социальности. Перережем пуповину, которая связывает нас с семьёй, с родственниками. Но останутся ещё общественные связи, общая жизнь. С этим тоже разделаемся оперативно. Ведь, согласно квантовой физике, существует множество реальностей. Каждый может выломиться из общей реальности в собственную, приватную, и из этой квантовой ниши строить коммуникацию с другими без привязанности, любви и взаимной симпатии. Наступит конец социальности, о чём заблаговременно предупреждал Ж. Бодрийяр. Каждый выберет для себя «угрюмое уединенье» (М.Ю. Лермонтов).

Бинарные оппозиции – типичная птолемеевщина. Спектральность не нужна. Левый и правый политический полюса уже сближаются. Стираются границы между высоким и низким, между элитарным и массовым, между добром и злом, между мужчиной и женщиной. Жизнь станет прагматичной, деловой, хорошо свинченной. Любовь, само собой, как тягостное чувство исчезнет. Сколько ненужных чувств, душевных затрат... И всё это ради полового акта. Но ведь отныне сексуальный инстинкт можно удовлетворить галлюцинаторно. И досыта, и без греха...

В.А. Кутырёв обозначает себя как консерватора. Бесконечно солидарен с ним. В этом вопросе мы ним не просто твердолобые, мы, скорее, воинствующие старообрядцы.

Вот он и пишет: «О ценности любви пора именно напоминать. Вряд ли в техническую, поставившую под вопрос всё природное, эпоху и после возникновения гендерной идеологии о ней можно сказать что-либо лучше, чем прежде. Мифы и великие философские учения Древнего Востока, Камасутра и притчи царя Соломона воспевают любовь как главное в жизни человека» [11, с. 140].

Собственную идентичность в эпоху постмодерна можно оставить при себе или, по обстоятельствам, изменить. Новый девиз – гибридность. Девочки нередко хотят стать мальчиками, мальчики – девочками.

Белокожие мечтают побыть в чёрной коже. Чернокожие грезят о белизне. Пожилые люди хотят вернуть молодость. Молодые, обращаясь друг к другу, говорят «эй, старик» или «эй, старуха». Туземцы примеряют к себе роли европейцев. Европейцы добровольно устремляются в хижины. Главное не застыть в прежней жизни, в прежней роли, в прежней самождественности. Родители получают странное обозначение – «первый родитель», «второй». Главное – избежать ясной половой идентичности.

Размывание гендерной идентичности направлено на устранение чёткой половой определённости. На вооружение берутся культурные и бытовые знаки. Женщина бреет голову, мужчина надевает женские платья и носит армейские ботинки. Так обозначается насмешка над традиционными представлениями об идентичности. Преображается сам процесс конструирования идентичности.

Мы живём в эпоху мании конструктивизма. Трансформации, переделке подлежит всё. Мы ещё не успели разобраться в тайнах белковой формы жизни, как уже спешим вылупиться из неё. Мы готовы настроить наше сознание на космический лад. Мы недоумеваем, почему природа была так терпима по отношению к очевидным ошибкам эволюции. Теперь так не будет. Мы претерпели возмужание и отныне провалились в бездну конструктивизма. «Эрозия фундамента жизни, ведущая к возникновению мира без любви и страстей, без святых и героев, мира озабоченных автоматов или самодовольных потребителей-гедонистов, не результат чьей-то злой воли, а следствие нарастания абиотических тенденций в развитии цивилизации, подавления природы культурой и техникой. Природы внешней, что выражается в экологическом кризисе и внутренней человеческой телесности, что ведёт к кризису антропологическому» [11, с. 149].

Фундаментальной основой человеческой идентичности в истории философии считался человеческий дух, душа, которые как раз и выражали богоподобие человека. В прошлом веке, начиная с психоанализа, самождественность человека обозначалась прежде всего через тело. Однако именно тело подвергается сегодня радикальной реконструкции. Оно вообще перестаёт идентифицировать человека. Эту особенность современного сознания подметил ещё Роберт Шекли. В романе «Корпорация “Бессмертие”» он описал явление, которое назвал трансплантом. Итак, главный персонаж романа после автомобильной катастрофы, которая привела к смерти, оказывается в сравнительно недалёком будущем потребительского общества, в XXII веке. Корпорация «Бессмертие» сочла возможным переселить его душу в другое тело. Так была отвергнута смерть, которая издревле считалась привилегией человека.

Некий житель планеты объясняет: «Трансплант – это новая игра, при которой участники меняются местами. Может быть, ты устал от жизни? Думаешь, что испытал все удовольствия? Не торопись с выводами, пока не попробовал трансплант. Видишь ли, фермер, знающие люди утвер-

ждают, что обычный секс – это слишком скучно. Пойми меня правильно, он хорош для птичек, пчёл, зверей и прочих существ, у которых мало воображения. Он всё ещё волнует их простые звериные сердца, и можем ли мы винить их в этом? Да и для размножения секс остаётся главным и лучшим средством. Но если хочешь получить настоящее удовольствие, попробуй трансплант. Трансплант – игра демократическая, ребята. Она даёт нам возможность переселиться в тело кого-то другого и испытать его ощущения. Она даже поучительна и продолжается там, где заканчивается секс. Тебе хотелось когда-нибудь побывать на месте темпераментного латинянина и испытать его чувства, приятель? Трансплант предоставляет такую возможность.

Тебе не приходило в голову, что испытывает настоящий садист. Опять же обратись к транспланту. И ты сумеешь испытать ещё много разных ощущений, очень много! Например, зачем всю жизнь оставаться мужчиной? Ты уже сумел доказать свою мужественность, зачем ещё понапрасну стараться? Разве не интересно некоторое время побыть женщиной, а? С помощью транспланта можно пережить потрясающе приятные моменты в жизни наших специально подобранных очаровательных девочек.

При транспланте ты не смотришь, нет, ты сам находишься внутри того тела, которое выбрал, ощущаешь движение мускулов, трепет нервов, все его восхитительные эмоции. Представь себе, фермер, что ты превратился в тигра и гонишься за тигрицей в период спаривания, а? У нас есть тигр, и тигрица тоже. Неужели тебе никогда не хотелось испытать ощущения садиста, некрофила, фетишиста и других. Трансплант поможет тебе. Наш каталог тел, в которых можно оказаться, разнообразнее энциклопедии» [25, с. 44–45].

Так в романе отражена общая тенденция современной реконструкции человека. Она не связана с духовным преображением индивида. Напротив, речь идёт об эксплуатации низменных потребностей, способных принести удовольствие человеку. «Удовлетворяйте все свои желания, каждую похоть, загляните в свои самые чёрные глубины. Живите на всю катушку и умирайте тоже так же. Все словно сошли с ума. Фанатики основывали клубы мучений, общества пыток, создавали энциклопедии страданий и боли. Они коллекционировали пытки подобно тому, как домашние хозяйки собирают кулинарные рецепты. Во время каждого собрания такого клуба один из его членов добровольно становился жертвой, и его убивали самым страшным и мучительным способом. Им хотелось испытать всё – абсолютное наслаждение и абсолютную муку» [25, с. 53–54].

Судебный иск Канту и Гуссерлю

В.А. Кутырёв – образованный и мыслящий философ. Он достаточно профессионален, когда даёт ссылки на философское знание. Более того, он прослеживает философские тенденции, которые собственно и привели к забвению бытия. В.А. Кутырёв отмечает, что эта идея казалась надуманной и не была востребована, пока не произошла информационная эволюция, заменяющая предметы симулякрами и виртуальными двойниками, людей персонажами, слова цифрами, голову чипами.

Кто виноват? Владимир Александрович считает, что основная вина ложится на философов. И здесь профессор превращается в интеллектуального Рембо и начинает разбрасывать возможных оппонентов в разные стороны. Мало-помалу непрощено рождается сомнение: уж не проник ли в полемический дар Владимира Александровича дух тотального разоблачительства? Не становится ли он сам заложником собственного мессианства? Не мерцает ли в его рассуждениях порой психопатический привкус свержидеи? В самом деле, есть все основания подозревать современных прогрессистов в скороспелых иллюзиях относительно будущего. Но справедливо ли полагать, что нашей планете и нашему земному существованию ничто не угрожает? Неужели не очевидно, что наша российская наука и философия слишком долго избегали всякого осмысления вызовов со стороны грядущего?

Энтузиасты невероятных сдвигов в исторической судьбе человечества действительно рассуждают так, словно философия оказалась ненужным расходным материалом в сложившейся ситуации. Но уместно ли в этом контексте выставлять великих философов в роли неосмотрительных зложелателей? В.А. Кутырёв пишет: «Исторические формы познавательного моделирования мира по линии восхождения “от поэмы к математике”: мифология – онтология – гносеология – эпистемология, в работе только выявлены и обозначены. В центре нашего внимания последняя (современная) стадия этого моделирования – когнитология. И её философская база – трансцендентализм, генетическим отцом которого был Кант, восприимчивым и воспитателем, проложившим ей дорогу в жизнь, – Гуссерль. Когнитизация реальности была процессом создания её новой формы, ведущей, соответственно, к параллельному уничтожению жизненного мира человека. Развитая Кантом трансцендентальная философия стала выходом человеческого духа в возможные миры, в космос» [11, с. 10].

Всякая философская идея по-разному аугает в философском пространстве. Но стоит ли рассматривать разные концепты как повод для правосудного разоблачения? Сравнительно недавно «новые философы» во Франции обвинили представителей классической философии в том, что их идеи «скособочили» современную историю. Ещё раньше Карл

Поппер усмотрел истоки тоталитарного мышления в социальных размышлениях Платона. Тему «сверхчеловека» в рефлексии Ницше представили как предтечу фашизма. Конечно, идейные размежевания в философии требуют установления ответственности любого мыслителя, дарящего человечеству свои откровения. Но насколько справедливо обвинять Канта в том, что его открытие трансцендентального мышления, исследование человеческой способности познания совлекло философию с выверенного маршрута взыскующей мысли? Разве современная философия была бы богаче, если бы не было Канта? Каким образом в отечественной литературе укрепилась мода поставить классика в нужную позицию и вчинить ему почти криминальные помыслы?

Например, Э. Гуссерль. Он утвердил в философии понятие жизненного мира, своеобразного коррелята опыта человеческой активности в повседневной реальности. Эта идея позволила обратиться вновь к анализу изначальных форм житейской достоверности. Но каким образом, по словам В.А. Кутырёва, она же привела к уничтожению жизненного мира человека? Нет ли здесь полемического перехлёста? Философия познания движется своими путями. Тенденция, как и положено, рождает контртенденцию. Сами «обвиняемые» подчас объявляют о своём алиби. В.А. Кутырёв пишет: «Собственно говоря, это была трансцендентальная феноменология, вырвавшаяся из философско-спекулятивных схем рассуждения на простор сначала гуманитаристики, а потом познания вообще. Или можно наоборот: трансцендентальная феноменология была порывом философии к структурно-лингвистической парадигме, но ограниченная спекулятивными путями сугубо умозрительного типа мышления, осталась её специфическим, почти эзотерическим направлением. Оно до сих пор привлекает к себе высоких философских интеллектуалов, почему-либо не ставших полезными математиками, всех любителей «игры в бисер» возможностью заниматься церебральной теоретической мастурбацией («текстурбацией»), не оплодотворяя других областей жизни и деятельности. Хотя сам Гуссерль оказался всего только человеком и – «сломался». Разочаровавшись в науке, тем более «строгой», он, подобно Канту, обратился к экзистенциально-антропологической проблематике жизненного мира, этому «практическому разуму» XX века» [11, с. 36].

Секунданты – на выход

Это замечательно, что В.А. Кутырёв разрабатывает концепцию коэволюции естественного и искусственного миров, ставит вопрос о необходимости сопротивления дискредитации бытия и тенденциям замены онтологии «нигитологией», выдвигает идею союза философии с религией в защиту гуманизма против «свободы» научного разума. Ему

принадлежит идея, что общей причиной глобального кризиса человечества является обострение противоречия между естественным и искусственным и формирование на Земле «постчеловеческой» реальности. Предотвращение его перерастания в катастрофу обуславливается нашей способностью сдерживать экспансию техники, сохранить нишу природного бытия [12].

Владимир Александрович выступает от собственного имени. Он, судя по его книгам, мучительно переживает трагедию человека, обречённого стать кибернавтом. Однако вряд ли можно сказать, что другие философы давно уже рекрутировались в лоно инновационизма. Казалось бы, надо отказаться от роли фанатичного одиночки. Но В.А. Кутырёв готов бить всех наотмашь. Вот А.С. Нилогов интересуется его мнением по поводу присутствия на последних конференциях «Проекта 2045» В.С. Стёпина и Б.Г. Юдина. И тут Владимир Александрович обрушивает на них свой сарказм. Он удивлён, что, несмотря на его активную просветительскую активность, этим учёным не всё ясно. Эти «завязтые авторитеты человековедения» (каков стиль!) придают своим присутствием респектабельность данным мероприятиям. «А куда им деваться?» – клеймит их В.А. Кутырёв. Оказывается, названные учёные боятся выпасть из парадигмы. Диалектика ведёт к ошибке сознания. В.А. Кутырёв убеждён в том, что существует некое идеологическое задание системной философии. И он его развенчивает. Задание состоит в том, чтобы фальсифицировать, подменять, обманывать.

Эти рассуждения – откровенный оговор названных учёных. Возможно, они не столь активны в сопротивлении опасной научной парадигме. Однако квалифицировать их присутствие на конференции как акт идеологической подтасовки может только ум, поднаторевший в сплошных изобличениях. Оказывается, незаметно для нас мы живём уже в ситуации интеллектуальной диктатуры. Шаг влево – и ты окажешься в стане врагов. Вот и «аз грешный» удостоился сомнительной похвалы Владимира Александровича. Он характеризует мою статью «Мизантропия как метанойя» как положительный факт. Однако почему-то называет её обзором западных публикаций. В аналитическом подходе он мне отказывает. Зато вывод публикации характеризует как пастельный, примиряющий. Он даже его цитирует: «Мизантропология – заметное явление современной философско-антропологической мысли. Она имеет множество оттенков, ставит острые метафизические вопросы. Именно поэтому мизантропология оказалась на переднем рубеже философско-антропологической рефлексии» [6, с. 34].

Характеризуя данный феномен как метанойю негативного свойства, я, судя по всему, должен был приложить к журнальному листу клочок вырванных из головы волос и несколько ядовитых брызг. Но я не сделал этого и получил характеристику, к которой не имею никакого отношения: «...автор – Авторитет, системный философ, неофициально-офи-

циальное лицо и должен следовать в русле main stream. Увы, нам, людям, продолжающим защищать себя, консерваторам и маргиналам» [12, с. 811]. На этот поклёп отвечаю: не знаю, как в Нижегородском университете, а в Институте философии никакой служебной идеологии нет и никто не должен по казённой надобности следовать в каком-то главном потоке. Ни В.С. Стёпин, ни Б.Г. Юдин, ни П.С. Гуревич.

Разоблачитель начал с Канта, а закончил секундантами. Всем, всем вчинить иск. Как практикующий клиницист боюсь даже комментировать такой «дружеский комплимент».

Список литературы

1. *Батай Ж.* Проклятая часть. Сакральная социология / Сост. С.Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
2. *Вудс А., Грант Т.* Бунтующий разум. Марксистская философия и современная наука / Пер. Ю.В. Жулий. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 599 с.
3. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11–12 апреля 2013 г. / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. 351 с.
4. *Гречко П.К.* Онтометодологический дискурс современности: историческая продвинутость и её вызовы. М.: URSS, 2014. 301 с.
5. Гуманисты эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVI вв.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 400 с.
6. *Гуревич П.С.* Мизантропология как метанойя // Человек. 2014. № 6. С. 20–34.
7. *Жижек Славой.* Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. Софьи Шукиной. М.: Дело, 2014. 528 с.
8. История философии: вызовы XXI века / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с.
9. *Кутырёв В.А.* Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2010. 496 с.
10. *Кутырёв В.А.* Время mortido. СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.
11. *Кутырёв В.А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.
12. *Кутырёв В.А., Нилюгов А.С.* Восстание техноидов: психология и философия постчеловечества // Психология и психотехника. 2015. № 8(83). С. 802–813. (DOI: 10.7256/2070-8955.2015.8.15763)
13. *Назаретян А.П.* Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 252 с.
14. *Николлс Дж. и др.* От нейрона к мозгу / Пер. с англ. П.М. Балабана [и др.]. Под ред. П.М. Балабана и Р.А. Гиниатуллина. Изд. 3-е. М.: URSS, 2012. 671 с.
15. Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения И.Т. Фролова / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015. 432 с.
16. *Самохвалова В.И.* Креативность и симуляция: о способности искусственного интеллекта к творчеству // Полигнозис. 2011. № 1. С. 127–139.

17. Селиванова Светлана. Горькие уроки Биньях // Литературная газета. 2015. № 33. С. 9.
18. Спирова Э.М. Феномен духа в философской антропологии // Психология и психотехника. 2013. № 1(52). С. 26–34. (DOI: 10.7256/2070-8955.2013.01.4)
19. Спирова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. 336 с.
20. Фатенков А.Н. В споре о человеческом уделе: феноменологический реализм против постмодернизма (полемиический отклик на монографии В.А. Кутырёва) // Философия и культура. 2010. № 6(30). С. 97–105.
21. Фатенков А.Н. Философия жизни у горизонта смерти (Перечитываемая «Время Mortido» В.А. Кутырёва) // Философия и культура. 2015. № 7(91). С. 1096–1099. (DOI: 10.7256/1999-2793.2015.7.15194)
22. Человек в единстве социальных и биологических качеств / Отв. ред. А.А. Гусейнов; ред.-сост. Г.Л. Белкина. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 384 с.
23. Человек в мире нанотехнологий: опыт гуманитарного анализа / Под ред. чл.-корр. РАН Б.Г. Юдина. М.: МосГУ, 2011. 228 с.
24. Человек и его будущее: новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г.Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2012. 496 с.
25. Шекли Роберт. Корпорация «Бессмертие»: Рассказы. СПб.: Азбука, 2000. 443 с.
26. Эпштейн М.Н. Debut de siècle, или От посто к прото-, Манифест нового века // Знамя. 2001. № 5. С. 180–198.
27. Юдин Б.Г. Граничные зоны человеческого существования: между биологией и этикой // Постигая добро: сборник статей. К 60-летию Рубена Грантовича Апресяна. М.: Альфа-М, 2013. С. 356–371.
28. Юдин Б.Г. Что там, после человека? // Философские науки. 2013. № 8. С. 24–37.